

Пастух. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Пастух. Максим Горький

Тимофей Борцов, сельский – села Вышенки – пастух, человек недюжинный: он немножко колдун и прорицатель, он – "коновал", но лечит и людей, он же и судья по "семейным делам" и, – как сам, ухмыляясь, именуется себя – "соломенных дел мастер": отлично плетет из соломы баульчики, коробочки, папиросницы и рамки, украшая их цветными бумажками и фольгой. Солидные мужики говорят о нем почтительно: – Это мужик круглого ума, он для нас – министр! Молодежь боится его и зовет: – Дядя Тим. Вообще село очень уважает Борцова за ум, справедливость, за трезвую жизнь и достаток. На сходках он первый человек, но говорит всегда последним, внимательно выслушав всех крикунов. Когда он был еще подпаском, бык ударил его рогом в бедро, а в молодости рекрута перебили ему ребра, поэтому Борцов ходит, странно раскачивая свое крепкое тело, – как-будто ему хочется лечь на землю правым боком и, прижав к земле ухо, подслушать что-то в ней, а земля этого не хочет и отталкивает его. Ему – лет шестьдесят, но он кряжистый, широкогрудый, меднолицый; плотные, белые зубы его все целы; в сивых волосах торчат рыжие кочья, – кажется, что он не надевает шапку даже зимой в морозы. Голос у него мощный для подпасков и скота, а с людьми он говорит медленно и как бы нарочито тихо, чтоб люди внимательнее слушали. Но, главное, – он философ. Часто бывает в городе, продавая свои соломенные изделия, много видел, обо всем подумал. С утра до вечера он сидит в поле, где-либо на холмике под тенью одинокой березы или на опушке леса, грозно покрикивает команду подпаскам и ловкими шерстяными пальцами неустанно плетет солому, – около него целый сноп. – Отчего люди враздробь живут? – ставит он вопрос и сам же отвечает: – А это от причины грамоты. Раздробились люди с того дня, как удумали эту словесную грамоту, книжки всякие, законы, приказы. Вот. Ты приказываешь, а я не могу понять тебя, я ж не грамотен! Примерно: ты скотский доктор, вертирнал по-вашему, я тоже скот понимаю, а друг дружку мы не можем понять, тому мешает грамота. Да. Я слушаю и смотрю в его двуцветную, рыжесивую бороду, в ней запутался широкий нос обезьяны, из нее шильями торчат, хитроумно сверкая, зеленые, жабыи глаза. А рта – не видно. Когда Борцов говорит, заметно только, что в бороде его что-то шевелится, и бело просвечивает сквозь волосы холодная полоска зубов. – И стоишь ты супротив меня человеком чужого языка, вроде немца. Также и становой, и всякий другой чин. Ежели он по-матерному лает, ну, это я понять могу, а как он только по-грамотному заговорит, – тут промеж нас – овраг! Я – по ту сторону, он – по эту, и друг друга не слышим. Или же поп: разве кто понимает, что он в церкви кричит? В церкви, как во сне, очень желанно, ну, а понять невозможно ничего. Тоже и учителя: ребятишек скучат да скуке и учат, года-а! Это очень полезно, что ребятишки на возрасте забывают грамоту, а то бы и мужики друг дружку понимать перестали. Видишь? Главный вред людям это от нее, от грамоты.

Я пытаюсь убедить его в противном, однако – безуспешно. Прищурился, спрятав хитренькие глазки, он слушал речь мою молча и надувал губы так, что усы, мохнатым клоком, выдвигались из бороды. Лицо его становилось глупым, качая упрямой башкой, он говорил сожалительно: – Ах ты, господи! Ну, что тут делать? Не понимаю! Самых слов твоих не понимаю, не токмо – мыслей. Ты гляди, какие слова, а? Ты говоришь: наука, а я слышу паука и сейчас тебя самого пауком вижу, и будто ты меня, как муху, оплетаешь паутинкой. И еще ты говоришь, чтобы все были грамотны. Так это же безрассудок, на всех грамоты не хватит. Да и пищи не хватит, что ты! Ай-яй, до чего грамота доводит, ай-яй! Конечно, я понимал, что пастух издевается надо мной, но я был тоже упрям, мне хотелось преодолеть упрямство дяди Тимы. Видимо, это нравилось ему, он говорил со мной все более ласково и охотно. Но, после одного его рассказа, я отскочил от Борцова, как мяч, отбитый палкой. Сидел он вечером, после заката солнца, на скамье у ворот избы своей, пред избою, в темно-зеленой, маслянистой воде пруда квакали лягушки, над нами ныли комары. Борцов отбирал из снопа стебли соломы и ленивенько философствовал, поучая меня: – Ну, ладно; давай согласимся: нужен хороший человек. А – каков он, если хорош? Скажем так: людей-жителей не грабит, милостыню подает, хозяйствует усердно, вот это будет самый хороший. Он законы знает: чужого – не трогай, свое – береги; не все жри сам, дай кусок и псам; потеплее оденься, тогда и на бога надейся, вот он что знает. Это самонужная его грамота. Таким человеком и держится наша держава, покоритель всех языков. Этот самый держалец земли всю вселенную кормит, и к нему всяк народ идет: немец разный, француз и турка, – все к нему лезут. Даже, сам знаешь, завоевать хотели

сколько раз: обворуются, чем лучше, и прямо на Москву лезут охально. А он сидит смиренно, ждет. Да. Подкатятся они, двенадцать языков, а то и побольше, тут он встает да кэ-эк бабахнет! И все наступатели эти пылью рассыпятся – больше ничего. И – никакой об них памяти. Будто – были, а уж нет! И – с годами – все меньше наступателей этих, а нас все больше, прямо девать некуда. Вот. – По твоим же словам выходит, что хороший человек просто несчастный и даже вроде полоумного. Какое его дело? Никаких делов за ним не видать. Какая от него польза? Орет без ума, чего не надо, и за то его садят в тюрьму, – вот как по твоим речам объясняется этот человек. – Я таких знавал, я множество знаю всякой юрнды. Мне даже сам его благородие исправник не раз, не два говорил: "Много ты, Борцов, знаешь, умная башка у тебя". Я, конечно, ему низенько кланяюсь, а про себя знаю: дурак он. Жена у него без ног семь лет, а он сидит над ней, как сытый пес над падалью. И даже помер в один год с ней; говорили, будто с тоски. Про него тоже был слух: хорош человек. А хорошего у него одно было: лошадь. Я ей кровь спускал. Мерин. Крепкий, во всех статьях, как литой. – Самый смешной из хороших этих был сын помещицы нашей Дубровиной, Ольги Николаевны; распутная баба была, муж бросил ее, за границу скрылся даже. Остроносая такая, бойкая. В очках ходила, очки на черной нитке, а нитка за ухо привязана. Я, говорит, доктор. Лечила некоторых. Ей на пожаре ногу переломили, стала тише после этого. – А сын ее, Митя, дружкой моим был, ребятишками живучи, вместе баловали. Потом он скрылся учиться, и долгие годы не видать было его. Вдруг – будто из болота выскочил, я тогда уже пастухом был, сижу на опушке, дудки режу, а он и бежит. "Узнал ты меня?" спрашивает. Длинный, худой стал, облысел и тоже в очках, как мать. В руке палка с кисейным колпаком, через плечо, на ремне, жестяная коробка, ножки тоненькие – совсем паяц! Мотыльков ловит, жуков и травы собирает, будто колдун. Говорит со мной по-старинке, как с мальчишкой: помнишь, спрашивает, помнишь? Вижу: дураком выучился Митя; мне и вспоминать стыдно, я уж в ту пору женат был. – Что, пытаю, делаешь, Митрий Павлыч? – Книжки, говорит, пишу про насекомую жизнь. – Так, говорю. Занятия приятная. – Присмотрелся – вижу добрый он, как пьяный, ничего ему не жаль. Начали мужики щипать его: тот просит, этот тянет. Я – тоже. Шляпу соломенную выпросил у него, очень хорошая шляпа была, я от нее и выучился крутить из соломы разное безделье.

Ну, конечно, по дружбе, и деньги брал. Ножик тоже выпросил замечательный. – Ума он был мышиноного, заучился до безрассудка. Бывало скажет: комар лихоманки разносит, берегись, говорит, комара! Я, конечно, не смеюсь, а будто верю, спрашиваю: как так? Тут он и начинает плетенку плести, а, господи! Скажет тыщу слов, а смыслу с птичий нос. А то заведет речь насчет мужиков: трудно жить мужикам. В этот час и проси у него чего хочешь: трудно, так ты помоги! Тут он хоть сто рублей даст, – жалостлив был, как баба. Гляжу я на него, думаю: хоть ты вдвойне зряч, а живешь ты зря! Чего тебе надо? Обут-одет хорошо, ешь – вкусно, землишку в аренду сдаешь, деньжонки есть, чего тебе еще, болван тесаный, идол мордовский? И – зло у меня на него. – Ловит он насекомую мелочь, принимает ко всему, а я его направляю куда похуже, в болота, а у нас там промеж кочек колодцы глубоченены, – гляди в оба! Бывало, не доглядят подпаски, забредет теленок, а то овца, ну, и – поминай как звали! Засасывает их. Конечно, он и попадал в эдакие места, увязнет и орет. Пастух нахмурил лоб и, раздирая пальцами бороду, продолжал тише, с явной досадой: – Однаво вперся он по шею, вытащили его, снял одежду, повесил на кусты сушить. А я и говорю подпаску: Николка, поди спрячь бариновы штаны. Мальчишке лестно поозорничать, спрятал он обои штаны, а дело было к закату, я велел стадо гнать домой и пришлось барину без штанов гулять, день был праздничный, везде – бабы, девки – смех! Ну, это вышло мне плохо. Проболтался Николка, что это я пошутил, дошла выдумка моя до дружка, прибежал он ко мне и давай заговаривать меня. До того много говорил, что даже рожа покраснела и чуть слезы не текут у него. Я, говорит, тебе и то, и се, а ты мне – что, а? С того дня рушилась наша дружба, перестал он знать меня да, кстати, захворал вскоре, а к весне и скончался в городе. Чахоточный... – Ну, вот тебе и добрый человек, а – чем он хорош? Куда его, для какого дела? Он мне как заноза в пальце. И не мало таких видел я промеж господ. Сказано: промеж господ не зверь, так скот. Теленок. Был учитель у нас, Петр Александров, так до того заучился, что начал парням внушать: всему горю причина – царь. Известно, чем его царь обидел. А Федька Савин, теперешний волостной старшина, догадался, да – в город, да в полицию, Федьке золотую монету в семь с полтиной дали, а учителя ночью жандармы увезли. Да – мало ли чего было! – Опять говорю: грамотные – безумного характера люди, путаники. Пользы от них я не видал ни зерна, а досады – много. Вот и ты: человек здоровый, в подходе к людям – простой, даже кое-что понимать можешь.

Пастух. Максим Горький gorkiymaxim.ru

А все-таки есть в тебе опасное и понять тебя не могу я. Чего тебе надо? мне, вот, кисет надо для табаку, кожаный бы. Ну, я знаю, попроси у тебя кисет, ты купишь и дашь. Так ведь это от того, что у тебя деньга дешевая, - у вас, грамотных, вся ваша доброта от дешевой деньги, она вам легко дается. А чего тебе надо, ты, поди-ка, и сам не знаешь. У меня же все ясно, как при свечке. Я, примерно скажем, прямой шосой иду, а ты проселками около - бродишь. Пастух закрыл глаза, запрокинул голову, выгнув мохнатый кадык, и выпустил из бороды странные, рыкающие звуки, - это он смеялся. Потом, поковыряв глаза пальцем, снова заговорил: - Вот намедни ты непотребно сказал: земля вертится. Это я и до тебя слышал. Это потому она вертится, что у вас, у всех, башки от грамоты закружились. А вы кричите: ай, земля вертится! Ох, вертится! Земля - врешь! - вертеться не смеет, этого человек не может терпеть. Победоносно сверкнув глазами, Борцов поглядел на красный круг луны в небесах, уставился на ее отражение в маслянистой воде пруда. - Тебе, вот, неизвестно - какова завтра погода будет, а я знаю: быть завтра плохой погоде! Какой тому знак? Опять ты этого не понимаешь, а я тебе не скажу. Свертывая папиросу, он добавил хвастливо: - Пастух всегда погоду чувствует... В этот вечер Борцов стал неприятен мне, я потерял охоту видеть его, и несколько месяцев мы не встречались. Но вдруг я узнаю - не помню от кого, - что у пастуха есть двое племянников сирот и оба они учатся на его средства, один в Казанском ветеринарном институте, другой - во Владимире, в гимназии. Встретив Борцова в магазине кустарных изделий, я упрекнул его: - Ты зачем же это, дядя Тим, врал мне? Грамоту отрицаешь, а сам племянников учишь, да еще где! Он прищурил жабьи глазки и, шевеля бородой, ответил: - А - кем я обязан правду тебе говорить? К тому же за правду - бьют! Засмеялся смехом лешего, покачиваясь на ногах, подмигивая, тихонько, сквозь смех говоря: - Племяши-то мои, кровные мне, а ты - чужой человек, вроде прохожего нищего. Я и действую в свою пользу, как всякий человек с разумом. Мои пускай учатся, а чужим - не надо. Понял? Ну, то-то... Положил на плечо мое тяжелую лапу и милостиво, поучительно добавил: - Сказано: свой своему поневоле брат. Ну, я и радею своим. Али мне не желается господами видеть своих-то? Мы, чуешь, из господ, только - самый испод. Ну-ко-сь, закурим, блажен муж... Закурили. Я одобрительно сказал: - Ловко ты, дядя Тим, обманывал меня! Хороший ты актер. Это не понравилось ему, он заворчал: - Опять невнятное слово! Чудак, ей-богу! Что тебе - труднее по-людски, по-русски то же слово сказать: паяц... Навыки у вас, грамотных, вовсе обезьяньи...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!